

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Сафронова Павла Игоревича на тему «Этнокультурное взаимодействие населения Верхнего Посурья в VIII – начале XI в.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – Археология

Тематика исследований взаимодействия древнего и средневекового населения является традиционной для отечественной и в целом мировой археологической науки. Тем не менее, насколько можно судить по имеющемуся во Введении к диссертационной работе историографическому очерку, на сегодняшний день отсутствуют работы, раскрывающие ее в отношении региона Верхнего Посурья раннесредневековой эпохи. Соответственно, автором диссертации была совершенно справедливо раскрыта степень ее актуальности в условиях накопления значительной источниковой базы и необходимости целостного осмысления последней (с.4-5)¹.

Представленное к защите диссертационное исследование имеет четкую, разумно организованную структуру, соответствующую нормам, предъявляемым к работам подобного рода, снабжено исчерпывающим количеством иллюстраций, аналитическими таблицами и солидно фундировано значительным массивом литературы (библиографический список содержит 223 позиции). Все это убеждает в добросовестности проделанной П.И.Сафроновым работы по сбору и анализу эмпирического материала. Особо следует отметить, что автор опирался при анализе в том числе и на результаты собственных полевых исследований, являясь археологом в полном смысле этого слова.

В целом, вывод диссертации о процессах взаимодействия на территории Верхнесурского региона местного оседлого и пришлого степного населения представляется вполне адекватным как состоянию источниковой базы, так и имеющимся на сегодняшний день представлениям о влиянии в VIII-X вв. на лесные финно-угорские группы окружающих государственных образований – Хазарского каганата, Волжской Болгарии и Руси.

Наличествующие у оппонента претензии к работе П.И.Сафронова касаются преимущественно процедурно-методических аспектов. Так, в ней вполне резонно значительное внимание уделяется хронологии памятников и артефактов, являющейся основой для многих важных умозаключений; однако при этом практически не раскрыты возможности картографического метода, сопряженного с природно-географической характеристикой рассматриваемого региона. Последняя вообще не случайно является необходимым элементом не только монографического исследования, посвященного памятникам какой-либо территории, но и любого отчета об археологических работах.

---

¹ Здесь и далее ссылки на страницы и иллюстрации без указания авторства и года издания даются для рассматриваемой работы.

Представляется несомненным, что учет при анализе археологических источников палеоэкологической ситуации VIII-X вв., а также реконструкция миграционных путей (карта из книги С.А.Плетневой на рис.1 этого пробела не восполняет) существенно обогатили бы диссертационное исследование.

Анализ хронологии археологических материалов закономерно предваряется этапом их систематизации, именуемой автором «типологией». Вынужден, однако, указать на некорректность данного термина, т.к. в работе используется не типология, а принципиально иной метод – иерархическая классификация (автор, по всей видимости, сам осознавая это, употребляет на с.23 выражение «классификационные ступени»). Такая процедура, по сути своей, представляет собой лишь интуитивное определение исследователем исходного признакового пространства. Лишь корреляция признаков между собой позволяет выявить внутреннюю организацию исследуемого материала, наличие в нем отдельных структурных компонентов (Колпаков Е.М., 1991, с.80-81), превращает классификацию в типологию².

Авторская терминология при систематизации вещевого материала, в частности в отношении поясных накладок, также не всегда корректна. Так, следовало бы быть осторожнее с употреблением термина «геральдические», почему-то применяющегося в работе к гарнитурам IX-XI вв. (с.101-103, 109, 142). В отечественной археологии он традиционно соотносится с материалами VI-VII вв. Строго говоря, из использованных в работе объектов к «геральдике» можно с натяжкой отнести лишь единственный экземпляр ременного наконечника типа IA (с.36, рис.106 – 4), представляющий собой, по всей видимости, упрощенное подражание (дериват) наконечников с боковыми выступами, распространенных во вт.пол.VII – нач.VIII вв. (в этой связи интересно, как был этот наконечник изготовлен: литьем или штамповкой?).

Подход автора к систематизации вещевого материала в целом можно охарактеризовать как формальный. Основания классификации для каждой из «классификационных ступеней» определяются им субъективно и никак не обосновываются. Следствием такого подхода стало то, что украшения со стилистически идентичным декором (например, детали поясных наборов из п.5 р.XXII (рис.77) и к.3 (рис.95 – 9-15) Армиевского могильника) оказались «разбросанными» по разным группам и типам, единство целостной поясной гарнитуры (очевидное ее изготовителю и ценное потребителю) было при авторском анализе утрачено. Вероятнее, более конструктивным было бы выделение именно стилистических групп (возможно, с фиксацией их генетических связей), соответствующих различным хронологическим периодам.

---

² По выражению Я.В.Чеснова, «классификация, построенная по комплексу характерных признаков, поднимается до уровня типологии» (Чеснов Я.В., 1979, с.191).

Другое следствие проявилось в том, что выделяемые типы и варианты украшений и бытовых предметов, как правило, соответствуют 1-2 реальным объектам (что, в общем-то, неизбежно при работе с продукцией индивидуального и мелкосерийного производства). Аналогии в дальнейшем подбираются фактически не выделенным таксонам, а отдельным вещам, что, по сути, обесценивает сам принцип классификационной процедуры (описание коей занимает примерно треть текста исследования).

Это, кстати, согласуется с отсутствием в классификационных схемах Главы 1 материалов клада с Золотаревского I селища (с.117-119, рис.110), для которых приведены только описания и аналогии, а кроме того – с полным игнорированием этапа систематизации в отношении погребально-поминальной обрядности Армиевского курганно-грунтового могильника. Автором произвольно избираются отдельные ее черты, коим подбираются аналогии в иных памятниках раннего Средневековья Восточной Европы. При описанном выше авторском подходе классификация выглядит и не обязательной.

Процедура подбора аналогий рассматриваемому материалу – процесс в принципе глубоко субъективный, напрямую зависящий от квалификации исследователя. В этой связи следует отметить серьезный уровень научной эрудиции П.И.Сафронова, свободно ориентирующегося в восточноевропейских древностях изучаемого периода.

Очевидно, именно этот этап работы являлся для автора наиболее важным: именно на аналогиях строятся все выводы относительно как хронологии рассматриваемых памятников, так и реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия на территории Верхнего Посурья. Вероятно, этим же объясняется и наличие в диссертации повторов фрагментов текста, касающихся именно аналогий: данные такого рода приведены в Главе 1 в ходе систематизации вещевого материала (с.24-94), затем в несколько расширенном виде – в Главе 2 при анализе его общей хронологии (с.96-132) и вновь – в Главе 3 при датировке отдельных курганов Армиевского могильника (с.170-172) и определении факторов иноземных влияний на складывание культурного облика населения Верхнего Посурья (с.196-197, 201-203, 204-208). Объем текстовых повторов относительно невелик, однако, в научных исследованиях они, в принципе, крайне нежелательны. Возможно, они являются следствием невнимательности при редакторской правке текста.

В отношении аналогий деталям погребально-поминальной обрядности Армиевского курганно-грунтового могильника я вынужден обратить внимание на привлечение материалов с территорий Самаро-Симбирского Поволжья, являющихся объектом моих научных изысканий. Так, кольцевым подкурганам ровикам (с.165), деревянным конструкциям в курганных насыпях (с.166), камням под насыпью, кострищам и конским черепам на подкурганной площадке (с.167), курганам без погребений (с.169), северо-западной

ориентировке погребений (с.169-170) в АКГМ автор видит соответствия исключительно в «новинковских» и «средневожских раннеболгарских» курганах (под последними, очевидно, подразумеваются памятники «уреньского» типа и Шиловский I могильник), других аналогий он не приводит.

В связи с этим следует обратить внимание на два аспекта. Во-первых, крайне малое количество аналогий в средневожских памятниках вещевому материалу из АКГМ и вообще из Верхнего Посурья: к таковым относятся лишь невыразительные подвески группы IV (с.25, 97) и наконечники стрел типа ПЧ (срезни) (с.87, 129), вообще имеющие весьма широкие ареал и диапазон распространения. Второй аспект связан с первым: столь ничтожное количество соответствий элементарно объясняется резкой хронологической разницей между самаро-симбирскими, датирующимися не позже кон.VIII – нач.IX вв. (Матвеева Г.И., 1997, с.88; Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.164, 166; Лифанов Н.А., 2005, с.36-37), и армиевскими курганами (не ранее вт.пол.X – начала XI вв., с.170-173, 212). Возникает закономерный вопрос к автору: допустимы ли вообще аналогии подобного рода?

Я склонен полагать, что П.И.Сафроновым осознается уместность такого вопроса, поскольку в итоге он все же не делает вывода о формировании населения, оставившего АКГМ, на базе «шиловско-новинковской» или «уреньской» групп. Автор рассматриваемой диссертации допускает появление подкурганного обряда погребения на Верхней Суре за счет притока болгар – переселенцев из Подонья в конце X в. (с.180, 212). Но это допущение порождает новый вопрос: какие конкретно курганные могильники (или одиночные курганы) данного периода в указанном регионе он рассматривает в качестве памятников, связанных с Армиевским могильником генетически?

В заключение следует отметить смелость автора представленного к защите диссертационного исследования в постановке сложных вопросов этнокультурного взаимодействия и стремлении решить их, привлекая все доступные ему материалы. То, что некоторые вопросы остались без ответа: например, проблема соотношения археологических данных с письменными памятниками и, соответственно, атрибуция с позиций археологии загадочных буртасов – не должно ставиться ему в упрек. Данная проблема еще далека от своего однозначного решения, и работа П.И.Сафронова является важным шагом к нему.

Все неясные моменты, вызвавшие замечания рецензента (в том числе и те, что остались за пределами настоящего отзыва), могут быть исправлены в ходе подготовки публикации данной работы, в целом достойной называться диссертацией на ученую степень кандидата исторических наук.

Литература

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998 – Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара, 1998. 286 с.

Колпаков Е.М., 1991 – Колпаков Е.М. Теория археологической классификации. – СПб., 1991. 112 с.

Лифанов Н.А., 2005 – Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Хазарское время. Сборник научных работ. – Донецк, 2005, с.25-40.

Матвеева Г.И., 1997 – Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997. 226 с.

Чеснов Я.В., 1979 – Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979, с.189-202.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
доцент

Лифанов Николай Александрович

25.11.2015

М.П.

Сведения об официальном оппоненте:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)»

Научно-исследовательская археологическая лаборатория

старший научный сотрудник

Адрес: 443086 Россия, г.Самара, Московское шоссе, 34

Телефон: 8-9270-142355

e-mail: liphanov@gmail.com

